
Рубрика I.

Научно-методическое сопровождение профилактики социальных рисков в системе общего образования

Подростковый буллинг: направления профилактической работы и организация помощи

Волкова Е.Н.,

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия, envolkova@yandex.ru

Для цитаты:

Волкова Е.Н. Подростковый буллинг: направления профилактической работы и организация помощи [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2019. № 3 (3). С. 50–57. doi:10.17759/bppe.2019160301

For citation:

Volkova E.N. Teenage Bullying: Directions for Helping and Preventative Work [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education], 2019, no. 3 (3), pp. 50–57. doi:10.17759/bppe.2019160301. (In Russ., abstr. in Engl.)

В статье приводятся результаты теоретических и эмпирических исследований подросткового буллинга, выполненных российскими и зарубежными исследователями, которые могут составить научную основу для разработки программ помощи участникам подросткового буллинга и программ профилактики буллинга в образовательном учреждении. Личностные особенности подростков — обидчиков, жертв и свидетелей буллинга определяют психологические механизмы и содержание программ помощи и профилактики. Анализ отношений внутри семьи подростка в совокупности с оценкой параметров школьной среды и, прежде всего, особенностей отношения педагогов к субъектам образовательного процесса — выступают основанием для проектирования профилактической работы. Основные стратегии профилактики буллинга связаны с изменением поведения всех субъектов образовательного пространства, прежде всего, взрослых: педагогов и родителей, — а не только самих подростков. Ключевым адресатом профилактической работы в подростковом буллинге являются подростки — свидетели буллинга. Программы профилактики буллинга в образовательном учреждении должны иметь выраженный культурно-социальный контекст.

Ключевые слова: буллинг, подростки, семейные отношения, школьная среда, помощь, профилактика.

Методологической основой исследований подросткового буллинга может служить культурно-историческая теория Л.С. Выготского. Учение Л.С. Выготского о кризисах развития в детских возрастах, о сензитивных и критических возрастных периодах имеет корреляцию с проблемой насилия над детьми в целом и подросткового буллинга, в частности. Рассматривая процессы нарушения развития современных детей и подростков в результате насильственных действий, мы опирались на понятие социальной ситуации развития как своеобразного, специфического для каждого возраста отношения между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего, социальной.

Все воздействия социальной среды преломляются через переживание ребенка, через его эмоциональный опыт. Социальная ситуация развития — это основное условие развития ребенка, это не только и не столько характеристики среды жизни, сколько особенности переживания, отношения ребенка к окружающему миру и людям. Модальность этого переживания (какое оно — положительное или негативное, подавляющее или иницилирующее к действиям) напрямую зависит от того, каковы отношения к ребенку со стороны других людей — взрослых и сверстников.

Объективная социальная позиция может порождать различные по модальности образы и переживания ребенка, так и сами образы и переживания могут порождать нормы, ожидания и требования, формируя объективную социальную позицию ребенка (например, в подростковой группе). Это очень важно при объяснении причин подросткового буллинга, особенно если насилие совершается в образовательном учреждении, в школе [4; 5].

Исследовательские интересы в изучении буллинга чаще всего связаны с рассмотрением личностных особенностей участников буллинга. В фокусе внимания исследователей чаще всего оказываются вопросы мотивации деятельности, характерологические особенности, эмоциональные состояния подростков — обидчиков и подростков — жертв буллинга. Общий вывод этих исследований заключается в том, что жертвы буллинга характеризуются низким уровнем удовлетворенности общением, низким социометрическим статусом, низкой самооценкой, высоким уровнем притязаний, высоким уровнем тревожности, высоким уровнем конфликтности в отношениях, высоким уровнем трудностей в общении [7; 8; 17; 19; 20; 26]; обидчики — это подростки с высоким коэффициентом удовлетворенности общением, высокой авторитарностью, высокой самооценкой, высоким уровнем притязаний [2; 7; 8; 26].

В меньшей степени изучены особенности свидетелей буллинга. Между тем, эта группа является, с одной стороны, весьма многочисленной — по данным различных исследований [5; 10; 12; 18; 22], свидетелями школьного буллинга были до 80% детей и подростков. С другой стороны, группа свидетелей буллинга является весьма неоднородной с точки зрения позиции и мотивации поведения. И в-третьих, именно группа свидетелей представляет собой смысловую детерминацию буллинга: подростковый буллинг совершается ради свидетелей, для получения признания и определения своего статуса среди них и с их поддержки и одобрения.

Свидетели буллинга различаются в зависимости от степени активности и направленности занимаемой позиции: помощники преследователей характеризуются низким социометрическим статусом, достаточно высокой авторитарностью, средним уровнем самооценки, средним уровнем притязаний; защитники жертв характеризуются чрезвычайно высоким социометрическим статусом, высоким уровнем удовлетворенности в общении, высокой самооценкой. Нейтральные наблюдатели характеризуются достаточно высоким социометрическим статусом, высоким коэффициентом осознанности положительных отношений, высокой терпимостью [8; 9].

Буллинг имеет различные тяжелые последствия, в том числе и в форме своего продолжения в интернет-пространстве — в кибербуллинге [4; 21; 24; 26]. Поскольку разрушительные для развития личности последствия подросткового буллинга присущи не только жертвам, но и обидчикам, и свидетелям буллинга, организация помощи и организация профилактической работы должна быть направлена в равной мере на всех участников буллинга. Междисциплинарный и межведомственный подход в этой работе, так же как и в случае работы с проблемой насилия в целом, является преимущественным. Однако, в рамках этого подхода работа с жертвами, обидчиками и свидетелями будет различной. Если работа с жертвами и обидчиками представляет собой комплекс мероприятий преимущественно терапевтической направленности, с привлечением сил психолога, возможно, врачей, полицейских, то работа со свидетелями буллинга связана, в первую оче-

редь, с консолидированными усилиями педагогического коллектива школы и родительской общности.

Исследования показывают, что вовлеченность подростка в ситуацию буллинга имеет многофакторную детерминацию. Подростковый буллинг является мультифинальным процессом, то есть таким процессом, где часто схожие начальные условия приводят к различным проявлениям, разделяя таким образом подростков на жертв, обидчиков и свидетелей. Несмотря на то, что выраженность факторов, их сочетание с индивидуальными и личностными детерминантами различается в каждой конкретной ситуации, подавляющее большинство исследователей солидарны в представлениях о преимущественном влиянии на подростковый буллинг факторов микро- и макросоциальной среды [11; 15; 17]. Это определяет основной вектор профилактической работы в школе [11; 13; 15].

Семейные факторы: система отношений между членами семьи, последовательность наказаний, отношение к проявлениям агрессии, стиль воспитания и др. оказывают влияние на ролевую позицию в буллинге. Факторами буллинга выступают формальный родительский контроль и критика детей за жалобы, за проявление слабости и негативных чувств. В качестве фактора-протектора подчеркивают важность материнской поддержки и включенности [3].

Выявлено, что риск стать буллером выше у тех детей, к которым родители относятся отстраненно, без теплоты и внимания, а также у тех, кому родители позволяют вести себя агрессивно, не ограничивая негативное поведение по отношению к родственникам, сверстникам, другим детям и взрослым [24]. Непоследовательный стиль воспитания, когда родители то игнорируют негативное поведение ребенка, то «взрываются» и проявляют по отношению к нему агрессию, заставляет ребенка чувствовать себя уязвимым, причем способом самозащиты он будет считать силу [24] и воспринимать силу как пример адекватной реакции, на которую следует ориентироваться в собственном поведении.

Конфликты между родителями и насилие в семье выступают своего рода тренировочной площадкой, на которой ребенок учится использовать нападение как средство достижения своей цели при конфликте со сверстниками. Так, дети, которые наблюдали, как отец проявляет жестокость к матери или как мать проявляет жестокость к отцу, с большей вероятностью будут обидчиками в буллинге, чем те, у кого не было подобного опыта [14]. Исследования показывают, что буллинг и драки опосредуют связь между жестокостью в семье и последующим употреблением алкоголя или наркотиков [16]. При этом следует подчеркнуть, что социально-экономический статус семьи не оказывает влияния на вероятность стать обидчиком для детей, которые из нее происходят [23].

Влияние негативного семейного окружения может или компенсироваться, или усиливаться при наличии доверительных отношений со взрослыми в школе. Поддержка со стороны сверстников может как нивелировать агрессивность, так и способствовать ее проявлению.

Школьная среда также оказывает влияние на возникновение буллинга. Во-первых, позиция учителей характеризуется определенной двойственностью в отношении к буллингу. Так, учителя более склонны искать источники буллинга в психологических особенностях подростков, чем связывать их с собственным поведением и с атмосферой в школе [10]. Кроме того, иногда учителям выгодно поддерживать буллинг в подростковых классах, используя его как инструмент поддержания дисциплины.

Во-вторых, учителя часто не осознают ни истинных причин, ни масштабов буллинга. Считая самой распространенной физическую форму буллинга, уделяя меньше внимания таким формам, как клевета, распространение слухов, принуждение, порча имущества, они видят источники во внешности, конфликтности или социальном статусе жертвы, предпочитая не вмешиваться во внутренние дела класса [12]. Часто школа занимает позицию игнорирования, что, в конечном итоге, приводит только к закреплению агрессивного поведения обидчиков.

В-третьих, формальные отношения с учителем в подростковом возрасте выступают фактором буллинга [6; 26].

В исследовании отношения к школе среди подростков из 40 стран было показано значительное влияние этого фактора на ситуацию буллинга [18], причем было обнаружено, что вероятность стать жертвой выше тогда, когда у ребенка складываются плохие отношения с одноклассниками,

а вероятность стать обидчиком растет, если в школе не установлены конструктивные отношения между учеником и учителем, то есть учителя относятся к ученикам несправедливо, не оказывают помощь тем, кто в ней нуждается, и не прислушиваются к точке зрения учеников. Иными словами, учителя — взрослые, с которыми дети больше всего контактируют, — создают такие нормы, условия социализации и опыт переживания, формируют такую социальную ситуацию развития, которая способствует проявлениям буллинга среди учеников.

Наши исследования показали, что преобладание в педагогических коллективах школ учителей с высокой степенью контроля над учебным процессом и при этом с доброжелательным отношением к ученикам коррелирует с уменьшением числа жертв, обидчиков и свидетелей буллинга среди учеников [6].

Важно понимать, что ситуация буллинга в школе служит ситуацией социального научения. Если школьное сообщество, прежде всего, в лице педагогов и других взрослых, занимает по отношению к школьному буллингу позицию равнодушия и невмешательства, то подростки продолжают социальные эксперименты в виртуальном пространстве, либо закрепляя уже опробованные способы социального контроля, признания, самоутверждения, либо осваивая новые. Если рассматривать социализацию подростка как процесс его вхождения в детский и школьный коллектив (как типы социальных общностей) посредством усвоения социальных ценностей и норм, действующих в нем, то опыт участия подростка в буллинге можно рассматривать как деструктивный вариант социализации.

Поэтому основные стратегии профилактики буллинга в подростковом возрасте, во-первых, должны быть направлены на изменение поведения всех субъектов образовательного пространства, прежде всего, взрослых: педагогов и родителей, — а не только и не столько самих подростков; во-вторых, ключевым адресатом профилактической работы в подростковом буллинге являются свидетели; в-третьих, программы профилактики должны иметь выраженный социальный контекст. Поведение подростков как поведение социального экспериментирования нуждается в разработке и включении в образовательный процесс действенных механизмов обратной связи, в содержании которой должны быть представлены позиции ненормативности буллинга, разрушительности его воздействия как на жертву, так и на обидчиков и свидетелей буллинга.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3 (10). С. 149–159.
2. Бутенко В.Н., Сидоренко О.А. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 3 (33). С. 138–143.
3. Воликова С.В., Калинкина Е.А. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4 (88). С. 138–161.
4. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Скитневская Л.В. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как методологическое основание для исследований подросткового буллинга // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. № 2 (10). С. 6–18.
5. Волкова И.В. Подростковый буллинг и стиль общения педагога // Научное мнение. 2017. № 5. С. 56–63.
6. Волкова Е.Н., Волкова И.В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Мининского университета. 2017. № 3 (20). С. 17.
7. Волкова И.В. Эмпатия, аффилиативная тенденция и сензитивность к отвержению у подростков — участников буллинга // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: Материалы I Международной научно-практической конференции. В 2-х частях / Под общей редакцией Л.А. Цветковой, Е.Н. Волковой, А.В. Микляевой. 2018. С. 172–179.
8. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 159–165.
9. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. № 2. С. 246–256. doi:10.17759/psyedu.2014060221.

10. *Лейн Д.А.* Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Д.А. Миллер, Э. Лейн. СПб: Питер, 2001. 448 с.
11. *Петросянц В.Р.* Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2011. 210 с.
12. *Польская Н.А.* Взаимосвязь показателей школьного буллинга и самоповреждающего поведения в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 39–49.
13. *Сафронова М.В.* Буллинг в образовательной среде — мифы и реальность // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 182–185.
14. *Собкин В.С., Смыслова М.М.* Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. № 2 (5). С. 71–86.
15. *Baldry A.C.* Bullying in schools and exposure to domestic violence // Child Abuse & Neglect. 2003. No. 27. P. 713–732.
16. *Cook C. R., Williams K. R., Guerra N. G., Kim T. E., Sadek S.* Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation // School Psychology Quarterly. 2010. No. 2 (25). P. 65–83.
17. *Espelage D., Low S., Rao M., Hong J., Little T.* Family Violence, Bullying, Fighting, and Substance Use Among Adolescents: A Longitudinal Mediation Model // Journal of Research on Adolescence. 2015. No. 24. P. 10.
18. *Fekkes M., Pijpers F., Verloove-Vanhorick P.* Bullying behavior and associations with psychosomatic complaints and depression in victims // Journal of Pediatrics. 2004. No. 1 (144). P. 17–22.
19. *Harel-Fisch Y., Walsh S.D., Fogel-Grinvald H., Amitai G., Pickett W., Molcho M., Due P., de Matos M. G., Craig W.* Negative school perceptions and involvement in school bullying: A universal relationship across 40 countries // Journal of Adolescence. 2011. No. 34. P. 639–652.
20. *Hay C., Meldrum R.* Bullying victimization and adolescent self-harm: Testing hypotheses from general strain theory // Journal of Youth and Adolescence. 2010. No. 39. P. 446–459.
21. *Kaltiala-Heino R., Rimpel M., Rantanen P.* Bullying, depression, and suicidal ideation in Finnish adolescents: School survey [Электронный ресурс] // BMJ (British Medical Journal). 1999. No. 8. P. 319–348. URL: <http://www.bmj.com/content/319/7206/348> (дата обращения: 20.10.2019).
22. *Losey B.* Bullying, suicide, and homicide. Understanding, assessment and preventing threats for victims of bullying. USA: Routledge, 2011. 171 p.
23. *Molcho M., Craig W., Due P., Pickett W., Harel-Fisch Y., Overpeck M.* HBSC Bullying Writing Group. Cross-national time trends in bullying behaviour 1994–2006: findings from Europe and North America // International journal of public health. 2009. No. 54. P. 1–10.
24. *Olweus D.* Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis // Developmental Psychology. 1980. No. 6 (16). P. 644–660.
25. *Olweus D.* Bully / Victim Problems in School. Facts and Intervention // European Journal of Psychology of Education. 1997. No. 12. P. 495–510.
26. *Rodkin P. C., Espelage D. L., Hanish L. D.* A relational framework for understanding bullying: developmental antecedents and outcomes // American Psychologist. 2015. No. 4. P. 311–321.
27. *Salmivalli C., Nieminen N.* Proactive and reactive aggression among school bullies, victims, and bully-victims // Aggressive behaviour. 2002. No. 28. P. 30–44.

Teenage Bullying: Directions for Helping and Preventative Work

Volkova E.N.,

Dr. Sci. (Psychology), Professor, Leading Researcher of Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, envolkova@yandex.ru

The article includes results of the theoretical and empirical studies of bullying among teenagers. This studies made by Russian and foreign researchers might form the basis for prevention program in educational environment and treatment programs for bullying participants. Personal characteristics of bullies, victims and witnesses define the mechanisms and content of treatment and prevention programs. Analysis of relations in the family of a teenager together with assessment of school environment, most importantly relations between teachers and other subject of educational process, are the key elements of preventive work. The main strategy of bullying prevention should be focused on changing the behavior of all subjects involved in education, mostly adults: parents and teachers, not only the teenagers. The key addressees of prevention are the teenagers who witness bullying. Bullying prevention programs in educational environment must be culturally adapted.

Keywords: *bullying, teenagers, family relations, school environment, prevention.*

References

1. Bochaver A.A. Khlomov K.D. Bulling kak ob"ekt issledovaniy i kul'turnyi fenomen [Bullying as research subject and cultural phenomenon]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2013, no. 3 (10), pp. 149–159.
2. Butenko V.N., Sidorenko O.A. Bulling v shkol'noy obrazovatel'noy srede: opyt issledovaniya psikhologicheskikh osobennostey "obidchikov" i "zhertv" [Bullying in school educational environment: study of psychological particularities of victims and bullies]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University n.a. V.P. Astaf'ev], 2015, no. 3 (33), pp. 138–143.
3. Volikova S.V., Kalinkina E.A. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor shkol'nogo bullinga [Parent-child relationships as a factor of school bullying]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2015, no. 4 (88), pp. 138–161. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Volkova E.N., Volkova I.V., Skitnevskaya L.V. Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo kak metodologicheskoe osnovanie dlya issledovaniy podrostkovogo bullinga [Vygotsky's cultural-historical theory as a methodological basis for bullying studies]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2017, no. 2 (10), pp. 6–18.
5. Volkova I.V. Podrostkovyi bulling i stil' obshcheniya pedagoga [Teenage bullying and teacher's interaction style]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2017, no. 5, pp. 56–63. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Volkova I.V. Empatiya, affiliativnaya tendentsiya i senzitivnost k otverzheniyu u podrostkov-uchastnikov bullinga [Empathy, affiliation and rejection sensitivity among adolescent bullies]. In Tsvetkova L.A., Volkova E.N., Miklyaeva A.V. (eds.). *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-h chastyakh.* [Herzen studies: psychology in education. Proceedings of the I International conference: in 2 vol.]. 2018, pp. 172–179. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Volkova E.N., Volkova I.V. Kiberbulling kak sposob sotsial'nogo reagirovaniya podrostkov na situatsiyu bullinga [Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the bullying situation]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 2017, no. 3 (20), p. 17. (In Russ., abstr. in Engl.).

8. Glazman O.L. Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov bullinga [Psychological features of participants of bullying]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia]*, 2009, no. 105, pp. 159–165. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Guseynova E.A., Enikolopov S.N. Vliyanie pozitsii podrostanta v bullinge na ego agresivnoe povedenie i samoostenku [Influence of the bullying victim position on aggressive behavior]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2014, no. 1, pp. 246–256. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Lane D. A. Shkol'naya travlya (bullying) [School violence (bullying)]. In D. A. Miller, L. Lane (eds.). *Detskaya i podrostantovaya psikhoterapiya [Child and adolescents psychotherapy]*. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 448 p. (In Russ.).
11. Petrosyants V.R. Psikhologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noi srede, i ikh zhiznestoikost'. Diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological characteristics and resilience of senior school students — participants of school bullying. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2011. 210 p.
12. Pol'skaya N.A. Vzaimosvyaz' pokazatelei shkol'nogo bullinga i samopovrezhdayushchego povedeniya v podrostantovom vozraste [Relationship of indicators of school bullying and self-injurious behavior in adolescence]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2013, no. 1, pp. 39–49. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Safronova M.V. Bulling v obrazovatel'noi srede — mify i real'nost' [Bullying in the educational environment — myths and reality]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education]*, 2014, no. 3 (46), pp. 182–185.
14. Sobkin V.S., Smyslova M.M. Bulling v stenakh shkoly: vliyanie sotsiokul'turnogo konteksta (po materialam krosskul'turnogo issledovaniya) [Bullying at school: the impact of socio-cultural context (based on cross-cultural research)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2014, no. 2 (5), pp. 71–86. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Baldry A. C. Bullying in schools and exposure to domestic violence. *Child Abuse & Neglect*, 2003, no. 27, pp. 713–732.
16. Cook C. R., Williams K. R., Guerra N. G., Kim T. E., Sadek S. Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 2010, no. 2 (25), pp. 65–83.
17. Espelage D., Low S., Rao M., Hong J., Little T. Family Violence, Bullying, Fighting, and Substance Use Among Adolescents: A Longitudinal Mediation Model. *Journal of Research on Adolescence*, 2015, no. 24, p. 10.
18. Fekkes M., Pijpers F., Verloove-Vanhorick P. Bullying behavior and associations with psychosomatic complaints and depression in victims. *Journal of Pediatrics*, 2004, no. 1 (144), pp. 17–22.
19. Harel-Fisch Y., Walsh S. D., Fogel-Grinvald H., Amitai G., Pickett W., Molcho M., Due P., de Matos M. G., Craig W. Negative school perceptions and involvement in school bullying: A universal relationship across 40 countries. *Journal of Adolescence*, 2011, no. 34, pp. 639–652.
20. Hay C., Meldrum R. Bullying victimization and adolescent self-harm: Testing hypotheses from general strain theory. *Journal of Youth and Adolescence*, 2010, no. 39, pp. 446–459.
21. Kaltiala-Heino R., Rimpel M., Rantanen P. Bullying, depression, and suicidal ideation in Finnish adolescents: School survey [Elektronnyi resurs]. *BMJ (British Medical Journal)*, 1999, no. 8, pp. 319–348. URL: <http://www.bmj.com/content/319/7206/348> (Accessed 20.12.2018).
22. Losey B. Bullying, suicide, and homicide. Understanding, assessment and preventing threats for victims of bullying. USA: Routledge, 2011. 171 p.
23. Molcho M., Craig W., Due P., Pickett W., Harel-Fisch Y., Overpeck M., HBSC Bullying Writing Group. Cross-national time trends in bullying behaviour 1994–2006: findings from Europe and North America. *International Journal of Public Health*, 2009, no. 54, pp. 1–10.
24. Olweus D. Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis. *Developmental Psychology*, 1980, no. 16 (6), pp. 644–660.
25. Olweus D. Bully / Victim Problems in School. Facts and Intervention. *European Journal of Psychology of Education*, 1997, no. 12, pp. 495–510.

-
26. Rodkin P.C., Espelage D.L., Hanish L.D. A relational framework for understanding bullying: developmental antecedents and outcomes. *American Psychologist*, 2015, no. 4, pp. 311–321.
27. Salmivalli C., Nieminen N. Proactive and reactive aggression among school bullies, victims, and bully-victims. *Aggressive Behavior*, 2002, no. 28, pp. 30–44.